

Е. К. Скрибник

Мюнхен–Томск

Служебное слово *karaj* в мансийском языке

В настоящей статье будет рассмотрено именное служебное слово *karaj* в северных диалектах мансийского языка¹, имеющее аугментативное значение и тяготеющее к дальнейшей грамматикализации в качестве словообразовательного суффиксального элемента. Оно располагается в постпозиции к полнозначному существительному, присоединяя словоизменительные показатели и послелог:

- (1) *kol karaj-t*
дом AUG-LOC
'в домище / в огромном доме' (МК);
- (2) *χār- pāsīy janit kit loŋi karaj-əm*
олень-самец олененок величина два охотничий пёс AUG-POSS.SG<1SG
'Два моих огромных охотничьих пса величиной с теленка северного оленя' (M.VNGy II/1, 201);
- (3) *māñ ūj-kwe janiy ūj karaj jot*
маленький зверь-DIM большой зверь AUG с
'маленький зверёк (вместе) с огромным зверем' (ЛС).

В последующем изложении в первой части будет рассмотрен анализ этого и подобных ему служебных элементов в угроведении; во второй части кратко представлена группа элементов типа *-sup*, в третьей будет охарактеризована дистрибуция слова *karaj*, а в заключении показано, что элементы типа *-sup* и *karaj* грамматикализуются в одном морфологическом классе существенно разными путями. Материал исследования представлен несколькими временными срезами: записи Б. Мункачи (1888–1889 гг.),

1. Мансийский язык вместе с близкородственным хантыйским принадлежит к обско-угорской группе финно-угорских языков, характеризуется агглютинативной морфологией, порядком слов SOV, наличием послелогов; в именной синтагме определение предшествует определяемому, определение маркируется только порядком слов (отсутствие родительного падежа у существительных и согласования прилагательных-определений). Именное сказуемое в настоящем времени индикатива используется без связки и согласуется с подлежащим в числе (ед., дв. и мн.)

А. Каннисто (1905–1906 гг.), В.Н. Чернецова (конец 1920-х–1930-е гг.) и тексты современного литературного мансийского языка; это позволяет сформулировать гипотезы о путях грамматикализации слова *karaj* не только на основании его современной дистрибуции, но и с опорой на корпус глубиной несколько более ста лет.²

1. К истории изучения

В описании слова *karaj* (как и любого другого языкового знака) представлены два подхода, от плана содержания и от плана выражения. В первом случае акцентируются его характеристики как оценочного элемента (ср. *evaluative morphology*, морфология оценки (Körtvélyessy & Stekauer 2011, 3)) в сравнении с другими аугментативами и диминутивами. Во втором случае он рассматривается в ряду различных постпозитивных служебных элементов, которыми обско-угорские языки чрезвычайно богаты: даже не считая послелогов, грамматикализующихся из имён (пространственных) отношений, сюда относятся аугментативы и диминутивы, сингулятивы и слова со значением собирательности (напр., *lut* ‘... и всё прочее, сюда относящееся’), номинализаторы (напр., *ut* ‘вещь’, ср. (Heine & Kuteva 2002: 295)) и т.п., так что на первый план выступают структурные характеристики, общие для разных семантических групп служебных слов, и степень их грамматикализации.

Слово *karaj* и сходные служебные элементы наиболее подробно представлены в монографиях Е.И. Ромбандеевой (1973) и Т. Ризе (Riese 2001), посвященных мансийской морфологии и специально словообразованию; в первой материал северного диалекта организован по семантическим основаниям, во второй представлен материал нескольких диалектов со структурным и этимологическим анализом.

Е.И. Ромбандеева в разделе «Суффиксы субъективной оценки» (1973, 73–76) рассматривает собственно суффиксы, из которых самыми частотными являются *-kwe* («ласкательно-уменьшительный») и *-ris* («пребрежительно-уменьшительный»), и серию показателей, которые названы «словами-суффиксами»: «большинство из них этимологически еще возводимо к знаменательному слову, может выступать как бы в качестве второго элемента сложного слова. Однако, несмотря на это, имеется основание называть их суффиксами, поскольку они получили обобщенную значимость» (Ромбандеева 1973, 73). Сюда она относит показатели *-sup* и *-sow*, представляющие собой диминутивы с положительной оценкой, в определенных контекстах выступающие также как аугментативы: ср. *χār-sup* ‘лодочка, хорошая лодка’ от *χār* ‘лодка’, *pūt-sow* ‘котелочек’ от *pūt* ‘котел’ с одной стороны и *jīw-sup* ‘большущее бревно, бурелом’ от *jīw*

2. Данная публикация подготовлена в рамках проекта Томского госуниверситета «Культурное наследие северной Евразии». Автор выражает свою благодарность Марианне Бакро-Надь, Надежде Лукиной и Тамаре Меровой, а также двум анонимным рецензентам, за ценные комментарии.

‘дерево’, *manər pūt-sow!* ‘Какой огромный котёл!’ с другой (1973, 74). Кроме того, она относит в эту группу диминутивные (иногда с сингулятивными значениями³) суффиксы *-tārs*, *-tar*, *-sam*, *-ōwl*, аугментатив *-karaj*, а также суффикс с собирательным значением *-ñur*, употребляющийся в некоторых случаях как аугментатив (Ромбандеева 1973, 73–76).

В самоучителе мансийского языка А. Н. Баландина три таких показателя, *-sup*, *-sow* и *-sam*, представлены как суффиксы (1960, 185), а *karaj* отдельно как служебное слово (1960, 138). В учебнике мансийского языка для педагогических училищ А. Н. Баландина и М. П. Вахрушевой (1957, 75), который переиздавался позднее практически без изменений уже под авторством М. П. Вахрушевой и Е. А. Ромбандеевой (Ромбандеева, Вахрушева 1989, 74), названы суффиксы *-sup*, *-sow* и *-sam*, а в статье Е. А. Кузаковой для восточномансийского диалекта *-kəλ*, *-kolə* и *-sām* (1989, 254); аугментативы в этих публикациях не представлены.

Отдельные «слова-суффиксы» рассматриваются также в работах К. Е. Майтинской (1965), Игушева и Сайнаховой (2012) и др., а также М. Лиимола (как в комментариях к опубликованным им текстам А. Каннисто, так и в целом ряде специальных работ, напр., (Liimola 1953–1954)); для хантыйского языка аналогичный материал анализировался в монографии Г. Зауэра (Sauer 1967, 205–217).

Т. Ризе в своей монографии об истории именного словообразования мансийского языка отдельную главу посвящает «словам, подобным деривационным суффиксам» («Derivationsuffixähnliche Wörter», (Riese 2001, 141–150)); поскольку он организует свой материал вначале по структурным признакам, а затем по семантическим, в этой главе рассматриваются три группы таких элементов: не только диминутивы и аугментативы, но и номинализаторы («substantivierende Wörter») типа *ut* ‘вещь’ и *wārmal* ‘дело’ (показатели с собирательным значением не включены). Т. Ризе показывает, что такие элементы характерны для всех обско-угорских диалектов, представляя собой переходную фазу от сложного слова («Kompositum») к сочетанию корня со словообразовательным суффиксом, и подчеркивает, что во многих случаях границы между этими тремя этапами провести трудно. Не употребляя термина «грамматикализация», он перечисляет тем не менее условия и следствия этого процесса (частотность употребления, абстрагирование семантики, утрата способности употребляться самостоятельно, фонетическая редукция, ср. (Lehmann 1995, Norper & Traugott 2003)) и приводит в качестве примера уменьшительный суффикс *-riś* (< FU **rāčs* ‘кусок, часть’) (2001, 141). Элементы, исходная семантика которых еще распознаваема (напр., *sam* ‘глаз’), из рассмотрения исключены (2001, 147). Т. Ризе критикует позицию Е. И. Ромбандеевой (1973) и Е. А. Кузаковой (1989) за совокупную характеристику всех этих

3. Сингулятивные и диминутивные значения в разных языках часто выражаются одними и теми же элементами (Grandi 2011: 13); Ромбандеева демонстрирует подобную полисемию у целого ряда показателей, однако для некоторых (напр., *-sam*) даны примеры только с сингулятивным значением. Этот вопрос требует дальнейшего исследования.

элементов как суффиксов, поскольку при этом полностью нивелируются существенные различия между ними (Riese 2001, 141–142). В дальнейшем изложении в разделе об диминутивах рассматриваются показатели *ōwl*, *kūl* ~ *kōl* ~ *kəl*, *kolə*, *pul*, *pōr*, *sup* и *sow*, по-разному представленные в разных мансийских диалектах, а в разделе об аугментативах – *karaj* и *-sup* / *-sow*. Нужно отметить еще, что и Е. И. Ромбандеева, и Е. А. Кузакова последовательно пишут все эти показатели, включая *karaj*, слитно, Б. Мункачи и А. Н. Баландин записывают *karaj* раздельно, в материалах А. Каннисто, включая словари на их основе, представлены оба написания *karaj*, тогда как у Т. Ризе – три варианта: раздельно или через дефис, но также и слитно (в цитатах). Можно предположить, что орфография в данном случае отражает взгляды авторов на степень грамматикализации этого служебного элемента. Я буду в дальнейшем изложении писать слово *karaj* раздельно, а все уже грамматикализовавшие суффиксы в порядке глоссирования отделять от других морфем дефисом.

Т. Ризе подчёркивает, что число диминутивов в мансийском, как и в хантыйском, значительно превышает число аугментативов (Riese 2001, 149–150), тем самым подтверждая типологическое утверждение, что аугментативы в языках мира представлены значительно реже, чем диминутивы (Grandi 2011, 7).

Анализ Т. Ризе начинается на уровне сложного слова; однако его утверждение о существенных различиях между перечисленными элементами можно наиболее убедительно продемонстрировать, начиная с уровня синтагмы. Хотя слово *karaj* и демонстрирует сходство с уже суффиксированными элементами типа *-sup* и в конечном итоге *-riś*, но у него зафиксированы и другие типы употреблений, в том числе и самостоятельные, в атрибутивной и предикативной функциях. Особенно интересным мне представляется тот факт, что для элементов типа *-sup* и аугментатива *karaj* в качестве базы грамматикализации выявляются совершенно различные исходные конструкции.

2. Диминутивы типа *-sup*

Как уже говорилось, большинство названных выше диминутивных и аугментативных элементов восходят к существительным; приведём данные по некоторым из них:

sup: ‘половина’ (БВ, 109), ‘Stück, Teil; halb’ (‘кусок, часть; половина’ – Е. С.) (МК, 577b), ‘Hälfte (der Quere nach), Stück, Endchen’ (‘половина (наискось), кусок, кончик’ – Е. С.) (KLE, 325); «Hälfte (bei Teilung in Querrichtung); Stück; Teil; bildet auch Diminutiva» (‘половина (при делении наискось), кусок, часть; образует также диминутивы’ – Е. С.) (WWK, 772). Е. И. Ромбандеева называет два варианта значения этого суффикса, «малый размер предмета» с одобрительной

- оценкой его качества либо – с определенными словами – «большой размер предмета» (1973, 73); Т. Ризе указывает, что он характерен в основном для северного диалекта (Riese 2001, 149).
- ōwl* от *ōwəl* ‘конец, начало, край’; в словарях Баландина-Вахрушевой (БВ, 102) и Мункачи-Кальмана (МК, 398) диминутивное значение специально не зафиксировано, хотя в последнем среди примеров для северного диалекта есть *jīw-ōwl* ‘палочка’ (от *jīw* ‘дерево’); оба словаря по материалам А. Каннисто указывают и диминутивное использование (KLE, 9, WWK, 4). По мнению Е. И. Ромбандеевой, этот суффикс обозначает малое количество или малую величину продолговатых и длинных предметов: *tul-ōwl* ‘пальчик’ (1973, 75). Слово имеет финно-угорскую или уральскую этимологию: «FU (U?) *alka* ‘vorderes od. hinteres Ende, Anfang’» (Riese 2001, 147).
- tārs*: Е. И. Ромбандеева описывает этот суффикс как диминутив, хотя среди ее примеров есть и сингулятивы (*jūntup-tārs* ‘иголочка’ от *jūntup* ‘иголка’, *āyi-tārs* ‘единственная дочурка’ от *āyi* ‘дочь’), и возводит его к *tārəs* ‘долька’, ‘милое дитя’. В словарях Баландина-Вахрушевой и Мункачи-Кальмана это слово отсутствует. Что касается словарей по материалам А. Каннисто, в KLE этого слова нет, однако в издании 2013 г. имеется словарная статья *tārs*, где удивительным образом отсутствуют как перевод, так и какие-либо комментарии, а приведен единственный пример: *kēlp-tārs* (WWK, 943). Очевидно, что это сингулятив ‘капля крови’.
- sam*: у Е. И. Ромбандеевой ‘крошка, зёрнышко, глаз’, в качестве словообразовательного элемента формирует сингулятивы от имен вещественных: *sēj-sam* ‘песчинка’ от *sēj* ‘песок’ (1973, 74); (Сайнахова–Игушев 2012, 138–140) в примерах к элементу *sam* ‘глаз’ приводят в основном сингулятивы, хотя есть и пример диминутива: *tul-sam* ‘облачко’. Словарь Баландина-Вахрушевой даёт только значения ‘глаз, семя, орех’ (БВ: 98); в словаре Мункачи-Кальмана – ‘Auge; Korn, Beere, Masche usw.’ (‘глаз; зерно, ягода, петля и т.п.’ – ЕС) (МК 521b), диминутивное значение отдельно не указано, но среди примеров есть как сингулятивные, так и диминутивные употребления: *wit-sam* ‘капля’ от *wit* ‘вода’, *kēlp-sam* ‘капля крови’ от *kēlp* ‘кровь’, *suj-sam* ‘небольшой шум’ от *suj* ‘звук, шум’. Аналогично в словарях по материалам А. Каннисто, напр., (WWK, 749): ‘Auge; Körnchen, Stückchen; Masche; Tropfen’ (‘глаз; зёрнышко, кусочек; капля’ – ЕС), после примеров полнозначного употребления следует серия примеров без перевода и комментариев, среди которых есть сингулятивы (*tujt-sam* ‘Schneeflocke’ – ‘снежинка’). Сингулятивы на базе слов со значением ‘глаз’ зафиксированы и в других языках Западной Сибири, контактирующих с обско-угорскими (напр., в самодийских – (Большдт 1989, 80), в енисейских – (Поляков 1987, 24, 33)).

sow: в словаре Мункачи–Кальмана оно определено как «слово с диминутивным значением» («Wort mit einer diminutiven Bedeutung», (МК, 568b)), в качестве омонимов приведены еще *sow* ‘Stern’ (звезда) и *sow* ‘Knospe’ (почка растения) (МК, 568b); аналогично в словаре по материалам А. Каннисто (WWK, 706). В словаре Баландина–Вахрушевой дано только значение ‘звезда’ (БВ, 105). Мнение К. Е. Майтинской, что исходным при грамматикализации являлось омонимичное слово *sow* ‘кожа, шкура’ (1965, 8), воспроизведённое также в (Ромбандеева 1973, 74), (Сайнахова–Игушев 2012, 8) и (Riese 2001, 149), с семантической точки зрения представляется неоправданным; здесь ожидаемы слова, обозначающие предметы малого размера (ср. выше слово *sam*). В качестве суффикса *-sow* обозначает «малый размер предмета с одобрением его качества», *pūška-sow* ‘бочоночек’; при наличии же в контексте усилительной частицы *manər* ‘что за’ он приобретает аугментативное значение: *manər pūška-sow!* ‘что за огромная бочка, какая огромная бочка!’ (Ромбандеева 1973, 74).

Комбинаторика всех этих элементов соответствует синтаксису существительных: грамматикализация суффиксов этого типа осуществлялась, по видимому, на стадии сложного слова (ср. Т. Ризе), которой предшествовала стадия именной синтагмы. Будущий суффиксальный компонент являлся формально определяемым именем и располагался соответственно после определяемого; ср. самостоятельное употребление на примере слова *ōwəl* ‘конец, начало, край’:

- (4) *nērpiŋ jāmтуw ōwl-ane tūjt-nəl χartχat-eγ-ət*
 красный ремень край-POSS.PL<3SG снег-ABL тащиться-PRS-3PL
 ‘Концы его красного налобного ремня волочатся по снегу’
 (‘Die Zipfel seiner Quasten schleppen im Schnee’, МК, 398a;
jāmтуw ‘налобный ремень в оленьей упряжи’.)

Еще пример: в двух мансийских сказках, опубликованных Е. И. Ромбандеевой, встречаются сочетания слов *χāp* ‘лодка’ и *tūp* ‘весло’ с элементом *sup* (Р.МДС, 34, 60). В сказке про мышонка это диминутив, написание слитное (*χāpsup* ‘лодочка’, *tūpsup* ‘маленькое весло’, с. 34); однако в сказке про кукушку, где по сюжету мужчина разламывает свою лодку и весло на куски, кукушка кричит *χāp sup* ‘половина лодки’, *tūp sup* ‘половина весла’ – тот факт, что здесь представлен не корень с суффиксом и не сложное слово, а именованное словосочетание, подчёркивает раздельное написание (с. 60).

Семантически такие слова либо представляли собой название некоторого фрагмента (ср. *-riś*, *-sup*, *-ōwl*, *-tārs*), либо являлись характеристикой, часто метафорической, своего зависимого компонента (ср. англ. *a midget of a man* / *a monster of a man* ‘человек-карлик / чудовище, а не

человек²)⁴. Тем самым уже в исходной именной синтагме со значением части – целого или метафорической характеристики были представлены асимметричные отношения между семантикой и синтаксисом компонентов: вершиной синтагмы, определяемым, является не имя, называющее целое, а имя, называющее часть, и напротив, зависимым компонентом, определением, является не название характеристики, а название характеризуемого. При лексикализации словосочетания, переходе его в сложное слово, эта исходная асимметрия становится значимой для переосмысления его компонентов. Прежнее определение, т.е. формально зависимый и поэтому линейно предшествующий компонент, являлось однако носителем основной лексической семантики; прежнее определяемое, т.е. формально ведущий и поэтому линейно завершающий компонент, обозначает некоторую характеристику того, что названо слева. Такая асимметричная комбинация двух корней закономерно переосмысляется как комбинация единственного корня с постпозитивным ему служебным элементом, который быстро превращается в суффикс.

3. Аугментатив *karaj*

Если элементы, рассмотренные выше, восходят к существительным, и их комбинаторика соответствует синтаксису существительных, то слово *karaj* восходит к прилагательному, что предполагает существенно иные типы употребления. В текстовых источниках обнаруживаются следующие:

- а) в качестве самостоятельного оценочного прилагательного, т.е. в составе именного словосочетания как препозитивный атрибутивный компонент, имеется также единичный пример с *karaj* в роли именного сказуемого;
- б) в качестве второго компонента парного слова в сочетании с другим оценочным прилагательным; такое парное прилагательное функционирует также либо как определение, либо как именное сказуемое (показатели согласования с подлежащим в числе располагаются на замыкающем компоненте, т.е. на слове *karaj*);
- в) в качестве служебного элемента в сочетании с существительным в постпозиции к нему (в этом случае не само существительное, а слово *karaj* присоединяет необходимые числовые, падежные и притяжательные аффиксы, а также послелог, см. примеры 1–3).

Рассмотрим эти случаи подробнее.

4. Для индоевропейских и ряда других языков как база диминутивов реконструируется архетип 'ребёнок' (Grandi 2011: 21).

а) Употребление в качестве самостоятельного оценочного прилагательного

Первым значением слова *karaj* во всех словарях указываются значения типа ‘крупный; сильный; богатый, состоятельный; старый’ (‘groß; mächtig; plump; riesig; derb; grob; reich’ (МК, 192b), ‘tüchtig; wohlhabend; groß; alt’ (KLE, 151), (WWK, 335)), т.е. оно представляется как прилагательное с неспецифическим абстрактно-аугментативным значением, интерпретация и перевод которого обусловлены конкретной сочетаемостью и контекстом.

В записях А. Каннисто представлены примеры самостоятельного атрибутивного употребления этого слова: *käpi kut* ‘Хороший мужик!’ (К VI, 88, 247), *karaj nē* ‘богатая баба, великая баба’ (К VI, 22, 215). Примеров самостоятельного предикативного употребления у информантов получить не удалось, а в корпусе он встретился лишь один раз (газетная публикация воспоминаний пожилого человека, воспроизведение речи предыдущего поколения); в этом примере к тому же элиминировано подлежащее – речь идет о водвороте:

- (5) *Is, ja-ta, karaj!*
 ITJ ITJ AUG
 ‘Ишь, вот это да, громадный какой!’ (ЛС 13.10.1992).

Таким образом, можно сказать, что немногочисленные примеры самостоятельного употребления *karaj* как полнозначного слова обнаруживаются преимущественно в самых ранних записях мансийских текстов (конец 19-го – начало 20-го вв.)

б) Употребление в парных словах (в постпозиции к другому прилагательному)

Этот тип употребления встречается регулярно; первым компонентом, предшествующим *karaj*, является прилагательное с более конкретным оценочным значением. Такие образования также используются в функциях определения (6) и сказуемого; последнее значительно частотнее, причём показатели согласования с подлежащим в числе присоединяются к завершающему элементу *karaj* (пример 7 – двойственное, 8 – множественное число):

- (6) *Ti janiy karaj wōr kol!*
 DEM большой AUG лес дом
 ‘Это такая огромная изба!’ (букв. лесной дом, т.е. охотничья изба).

- (7) *Am sam-aɣum-nəl kon-kwāl-en!*
 я глаз-POSS.DU<1SG-ABL наружу-выйти-IMP
 ‘Вылезай через мои два глаза!’ (Олень – случайно проглоченной мыши, сказка).
Saj-əŋ karaj-əɣ!
 ГНОЙ-ADJ AUG-DU
 ‘(Они у тебя) Гнойные очень!’ (КВ.УТ 54)
- (8) *Mēŋkw-ət nāj muwlaχi ūnl-ēɣ-ət.*
 менгкв⁵-PL огонь вокруг сидеть-PRS-PL
Sōrni-kwe! Ta janiɣ karaj-ət!
 Солнце-DIM PTL большой AUG-PL
Nāj ūl'pa jiw-nəl pēlamt-as-ət.
 огонь кедр дерево-ABL разжечь-PST-PL
Ta janit ūl'pa karaj-ət aman χuməs
 DEM величина кедр AUG-PL как
jol-pat-t-as-anəl. Takem jor karaj-ət ta!
 вниз-стать-CAUS-PST-PL<3PL настолько сильный AUG-PL PTL
 ‘Менгквы сидят вокруг костра. Вот это да! (Букв.: Солнышко!) Огромные-то какие! Костёр развели из стволов кедра. И как только они такие огромные кедры свалили! Это до чего же (они) сильнющие!’ (Черн.)

Отрезок текста в (8) демонстрирует кроме того характер и частоту использования элемента *karaj* в экспрессивных описаниях.

в) Употребление в постпозиции к существительному

Наконец, в большом массиве примеров компонент *karaj* следует за полнозначным существительным: *wōr* ‘лес’ – *wōr karaj* ‘огромный могущественный лес, огромный сухой бор’, *janɣuɣ* ‘лось’ – *janɣuɣ karaj* ‘лосище’ (Ромбандеева 1973, 75, в оригинале слитное написание); *janiɣ sōrp karaj* ‘большой звѣрь, grosser Elch’ (К VI, 215), *lōŋχ karaj* (К II, 90) ‘огромная дорога (ein mächtiger Weg)’, *ojka karaj* ‘старикъ (sehr alt oder sehr gross)’ (К V, 332, в оригинале написание слитные); *janiɣ χāp karaj* ‘огромная лодка’ (МК, 192b), *sāli karaj* ‘огромный северный олень’, *jiw karaj* ‘огромное дерево’ (ЛС) и т.д. Такие словосочетания продуктивны и частотны и практически единогласно анализируются как сложные слова со вторым элементом – словообразовательным суффиксом или «полусуффиксом» / «словом-суффиксом» (т.е. элементом, находящимся в стадии грамматикализации в направлении словообразовательного суффикса). Тем не менее, и в этой группе возможны свободные словосочетания, ср. пример с неопределённым местоимением ‘нечто’:

5. Менгкв: в обско-угорском фольклоре злобные и глупые лесные великаны.

- (9) *Pun-əŋ matər karaj-n kāt-əm xōj-as*
 волосы_на_теле-ADJ нечто AUG-DAT рука-POSS.SG<1SG касаться-PST[3SG]
 ‘Моя рука прикоснулась к чему-то огромному волосатому’
 (К III, 53: «Meine Hand hat an etwas grosses Haariges gerührt»).

Как уже говорилось, притяжательные и падежные показатели присоединяются не к полнозначному компоненту, а к служебному компоненту *karaj*, т.е. опять же как к вершинному слову в именной синтагме: *naŋ ŋol karaj-ən* ‘твой огромный клюв’ (с притяжательным суффиксом 2 ед. -n, ЛС), *kol karaj-n* ‘к огромному дому’ (с показателем датива, К I, 222), *kol karaj-t* ‘в огромном доме’ (с показателем локатива), *kol karaj-nəl* ‘из огромного дома’ (с показателем аблатива) и т.д.; ср. примеры (1–3), (10–12):

- (10) *Ti sāli pur-ne χum karaj-n manriy min-as-ən?*
 DEM олень грызть-PTCP человек AUG-DAT почему идти-PST-2SG
 ‘Зачем ты вышла замуж за (такого) огромного волкоподобного мужика?’ (МК, 192b; ‘грызущий оленей’ – табуизированное обозначение волка);
- (11) *Ta lūpi karaj-n tuw os tot-nuw-em!*
 DEM дерево AUG-DAT туда PTL нести-OPT-1SG
 ‘Вот бы меня отнесло к тому огромному (поваленному ветром) дереву!’ (К II 89, «(so) möge ich dorthin zu jenem grossen Baum treiben!»);
- (12) *Naŋ kos karaj-an taj ta janiy karaj-ət*
 ты коготь AUG-POSS.PL<2SG PTL PTL большой AUG-PL
 ‘До чего же у тебя когтищи огромные!’ (ЛС)

Если в случае с элементами типа *-sup* постпозиция естественно объясняется через их происхождение от существительных, через стандартный синтаксис существительного, то в случае с «бывшим прилагательным» *karaj* подобное объяснение неприменимо; появиться в постпозиции к существительному оно могло только в качестве уже грамматикализовавшегося служебного слова, расширив сферу применения с оценочных прилагательных на существительные без собственной оценочной семантики. Такое расширение могло произойти скорее всего в функции именного сказуемого; и действительно, весьма значительное количество употреблений сочетаний существительных с *karaj* приходится на роль именного сказуемого без связки в односоставных экзистенциально-презентативных предложениях, часто восклицательных:

- (13) *taji puñxi-t jakt-əm ēlmχoləs*
 это пуп-POSS.SG<3SG резать-PTCP человек
taw kwāl-nə surəm karaj
 он встать-PTCP отверстие AUG[SG]
 ‘Это – огромное отверстие, сквозь которое (только) он (сам)⁶
 выходит, человек с отрезанной пуповиной’ (M.VNGy III, 217)⁷;
- (14) *Papōxt-as-iy: saka janiy kol karaj-ət*
 пристать-PST-2DU очень большой дом AUG-PL
 ‘Они пристали к берегу: (стоят) огромные дома’ (К I, 197
 «(Sie) legten am Ufer an: (da sind) sehr grosse gewaltige Häuser»).

Последний пример очень интересен, т.к. в нём налицо и оценочное прилагательное-определение, и слово *karaj* в постпозиции к существительному, в завершающей позиции в предложении; однако его интерпретация как именного сказуемого исключается: показатель мн.ч. здесь очевидно используется как маркер множественности референтов (‘дома’), а не как маркер согласования в числе с подлежащим.

4. Заключение

На основании представленного спектра функционирования слова *karaj* в разновременных текстах можно предположить следующее направление его грамматикализации: от самостоятельного абстрактно-оценочного прилагательного (*karaj nē* ‘богатая баба, великая баба’) к компоненту парного оценочного прилагательного с типичными функциями определения (пример 6, *janiy karaj wōr kol* ‘огромная изба’) и сказуемого (пример 8, *Taket jor karaj-ət ta!* ‘До чего же (они) сильнющие!’). Как представляется, именно в функции оценочного сказуемого второй компонент переосмысливается как постпозитивное служебное слово, грамматический аугментативный элемент типа частицы, способный принимать морфологические маркеры, необходимые для данной синтаксической функции; уже в этом качестве он получает возможность сочетаться также с существительными в роли именных сказуемых для внесения экспрессивно-эмоционального значения. Структура «существительное + *karaj*» как сочетание существительного-подлежащего с *karaj* – полнозначным прилагательным в роли сказуемого уже практически не встречается (в единственном примере 5, *ja-ta, karaj!* ‘Вот это огромный!’ подлежащее отсутствует). В материалах

6. Прономинальное дублирование в мансийском (...*ēlmχoləs, taw...*) используется для маркирования фокуса.

7. В собственном литературном переводе Б. Мункачи аугментатив *karaj* не отражён: «Az a köldöke vágott embernek, az ő járó-kelő nyílása» (M.VNGy III: 217), букв. ‘Это - человека с отрезанной пуповиной, это его выход (входящее-выходящее отверстие)’ (из песни на медвежьем празднике, наставление медведю, которым из трёх выходов пользоваться нельзя; «с отрезанной пуповиной» – эпитет к слову «человек», подчёркивающий «нормальный» характер его рождения и противопоставляющий людей другим типам существ, комментарий Н. В. Лукиной).

всех временных срезов такие структуры встречаются преимущественно как сложные именные сказуемые с участием аугментативного служебного слова в односоставном презентативном предложении (пример 14, *saka janiŋ kol kapaj-ət* 'Стоят огромные дома').

На следующем шаге комбинации существительных с этим аугментативом могли расширить сферу употребления от роли именного сказуемого до синтаксических функций подлежащего и различных дополнений; соответствующие морфологические показатели (надежные и притяжательные аффиксы), относящиеся к именной группе в целом, по аналогии присоединяются к заключительному компоненту (*kol kapaj-t* 'в домище'). Предположительную схему развития с учётом синтаксических функций можно представить следующим образом:

(Attr)	Adj	>	Adj ^{eval}	Adj	>	Adj ^{eval} _{AUG}	
(Pred)	?Adj	>	Adj ^{eval}	Adj	>	Adj ^{eval} _{AUG}	> N _{AUG}
(Subj, Obj)							> N _{AUG}

Таким образом служебное слово *kapaj*, восходящее к прилагательному, оказывается в одном ряду с диминутивами типа *-sup*, восходящими к существительным, и по аналогии с ними продолжает грамматикализацию в направлении словообразовательного суффикса.

В заключение можно добавить, что данные мансийского языка интересно соотносятся с выводами, полученными для индоевропейских языков: «in the history of Indo-European evaluative morphology there seems to have been an interaction between a process of renewal, concerning diminutives, and a process of innovation, concerning augmentatives» (Grandi 2011, 6): диминутивы представлены значительным числом синхронно сосуществующих элементов, грамматикализированных в разное время («layering», (Hopper & Traugott 2003, 124)), тогда как аугментатив *kapaj* очевидно представляет собой недавнюю инновацию.

Использованные глоссы

ABL	аблатив	IMP	императив
ADJ	словообразовательный суффикс прилагательных	ITJ	междометие
AUG	аугментатив	OPT	оптатив
CAUS	каузатив	LOC	локатив
DAT	датив	PST	прошедшее время
DEM	указательное местоимение	PL	множественное число
DIM	диминутив	POSS	притяжательные аффиксы
DU	двойственное число	PRS	настоящее время
EVAL	оценочный	PTCP	причастие
		PTL	частица

Сокращенные обозначения словарей и текстовых источников

- БВ Баландин, А.Н. – Вахрушева, М.П. *Мансийско-русский словарь*. Л.: Учпедгиз 1958.
- ЛС газета «Лӱимӱ сӱ рипос»
- Р.МДС Ромбандеева Е. И. Мансийские детские сказки с переводами и комментариями. Ханты-Мансийск 2010.
- Черн. архивные материалы В. Н. Чернецова
- К Kannisto, Artturi – Liimola, Matti. *Wogulische Volksdichtung*. Vol. I (MFSOu 101, 1951), II (MFSOu 109, 1955), III (MFSOu 111, 1956), IV (MFSOu 114, 1958), V (MFSOu 116, 1959), VI (MFSOu 134, 1963).
- KB.WT Kálmán, B. *Wogulische Texte mit einem Glossar*. Budapest 1976.
- KLE Kannisto, Artturi – Liimola, Matti. *Wogulische Volksdichtung gesammelt und übersetzt von Artturi Kannisto*. VII. Wörterverzeichnis zu den Bänden I–VI. Bearbeitet von Matti Liimola, herausgegeben von Vuokko Eiras. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 180. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura 1982.
- M.VNGy Munkácsi, Bernát. *Vogul népköltési gyűjtemény* 1–4. Budapest 1892–1921.
- МК Munkácsi, B. – Kálmán, B. *Wogulisches Wörterbuch*. Budapest: Akadémiai Kiadó 1986.
- WWK *Wogulisches Wörterbuch*. Gesammelt und geordnet von Artturi Kannisto. Bearbeitet von Vuokko Eiras. Herausgegeben von Arto Moisio. Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXXV. Kotimaisten kielten keskuksen julkaisu 173. Helsinki 2013.

Литература

- Баландин, А.Н. 1960: *Самоучитель мансийского языка*. Ленинград: Учпедгиз.
- Баландин, А.Н. – Вахрушева, М.П. 1957: *Мансийский язык*. Ленинград: Учпедгиз.
- Картина, А.И. 1955: *Именное словообразование в современном мансийском языке*. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Ленинград.
- Большдт, Е.П. 1989: *Именное словообразование нганасанского языка*. Новосибирск: Наука.
- Кузакова, Е.А. 1989: Имя существительное в восточномансийском диалекте. – *Советское финноугроведение XXV* (1989). 248–255.
- Майтинская К.Е. 1965: *Словообразование в старо- и средневенгерском языке*. Москва: Наука.
- Поляков, В.А. 1987: *Способы лексической номинации в енисейских языках*. Новосибирск: Наука.
- Ромбандеева, Е.И. 1967: К истории образования суффиксов субъективной оценки. – *Вопросы финно-угроведения IV*. Ижевск. 151–158.
- 1973: *Мансийский (вогульский) язык*. Москва: Наука.
- Ромбандеева, Е.И., Вахрушева, М.П. 1979, 1984², 1989³: *Мансийский язык. Учебник для педагогических училищ*. Ленинград: Просвещение.
- Сайнахова А.И., Игушев Е.А. 2012: *Деривационные форманты мансийского языка*. Ханты-Мансийск: Юграфика.

- Grandi, Nicola 2011: Renewal and Innovation in the Emergence of Indo-European Evaluative Morphology. – *Lexis. E-Journal in English Lexicology: Diminutives and Augmentatives in the Languages of the World*. 5–26.
<http://lexis.univ-lyon3.fr/IMG/pdf/Lexis_6.pdf>
- Heine, Bernd & Tania Kuteva 2002: *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge: C.U.P.
- Hopper, Paul J. & Elizabeth C. Traugott 2003: *Grammaticalization*. Cambridge: C.U.P.
- Körtvélyessy, Livia & Pavel Stekauer 2011: Introduction. – *Lexis. E-Journal in English Lexicology: Diminutives and Augmentatives in the Languages of the World*. 3: <http://lexis.univ-lyon3.fr/IMG/pdf/Lexis_6.pdf>
- Lehmann, Christian 1995: *Thoughts on Grammaticalization*. LINCOM Studies in Theoretical Linguistics 1. München: Lincom.
- Liimola, Matti 1953–1954: Zur wogulischen Etymologie und Formenlehre. – *Journal de la Société Finno-Ougrienne* 57/1. 1–47.
- Riese, T. 2001: *Historische Nominalderivation des Wogulischen*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Sauer, Gert 1967: *Die Nominalbildung im Ostjakischen*. Berlin.